

Снег в марте не выпадал. Ну, почти совсем. Его и зимой-то не особо много видели! Вот в тот бесснежный март мы частенько и собирались вечерами на лавочке у подъезда. Вовка Евграфов, Люба Рыжая и я учились в одном классе, пятом «А», и жили в одном подъезде стандартной девятиэтажки. А ещё мы вместе ходили в лыжную секцию. В неё нас зазвал-заманил учитель физкультуры Сергей Алексеевич. Ему надоели постоянные побеги учеников с уроков. Благодаря физику я и полюбила лыжи! Да и по физкультуре вытянула отметку на крепкую четвёрку. Но, когда снега нет, как кататься? Вот и просиживали свободное время у телевизоров. А когда приходили родители с работы и прогоняли нас, непутёвых чад, от теликов, то выходили во двор и рассаживались на лавочке.

У нас было в то время такое поветрие – все хотели научиться играть на гитаре. А на первом этаже жил дядя Петя, по прозвищу Горбун (после автомобильной аварии у него был самый настоящий горб). И если он находился в хорошем настроении, то выходил с гитарой и устраивал всем желающим мастер-класс. Не поверите, но все ребята с нашего двора научились, пусть и простенько, но вполне сносно брэнчать на трёх аккордах... А нам с Любой родители даже купили гитары. Я потом свою гитару Евграфову подари-

ла, когда расхотелось учиться. Сейчас, спустя годы, благодарно поражаюсь терпению жителей тех квартир, окна которых выходили на нашу шумную лавочку!

Как-то раз к дому подъехал огромный фургон, рабочие в спецовках стали разгружать мебель. Вместо нашей добросердечной Веры Ивановны, уехавшей к сыну в Севастополь, в доме поселилась модная молодая женщина.

Леонелла – так кокетливо представилась она нам и дяде Пете, который после аварии был ещё и бессменным дежурным (консьержем) в нашем подъезде. Тогда эти дежурные только появлялись в округе... Нам Леонелла понравилась: красивая, высокая, она, возвращаясь с работы, иногда даже подпевала дяде Пете.

Но, как говорится, новое не всегда лучшее. Ссоры начались через несколько недель. У Леонеллы, оказывается, был свой пунктик: ей не нравилось, что дядя Петя кормил у подъезда птиц. Они слетались со всей округи на хлебные крошки. А может, на залихватские песни. Раньше с жильцами из-за этого никаких ссор не возникало, ведь дядя Петя брал шланг у дворника Мурата и тщательно смывал последствия птичьего пиршества. А бывало, после изучения новых аккордов и мы в этом помогали. Да и Мурат, сначала усмехаясь на причуду жильца – часами кормить птиц,

118

вскоре влился в дружную компанию: в свободную минуту присаживался к нам на лавочку и пел грустную песню про далёкую возлюбленную Изабель. А тут вдруг новая соседка объявила неприимиримую войну птицам, а значит, и дяде Пете.

Однажды мы увидели нашего дядю Петю на стремянке, мощного окно строптивной соседки.

– Чего не сделаешь ради пернатых? – кратко, без эмоций прокомментировал свои действия дядя Петя.

Как позже выяснилось, Леонелла пожаловалась в домоуправление, что прикормленные птицы пачкают подоконник... Но и этого Леонелле показалось мало. Один раз во время нашего концерта она, открыв окно, выставила магнитофон на подоконник и включила его на полную мощность. Мол, мало птиц, так он ещё всю ребятню под крыло собирает...

А в другой раз, как самый настоящий пират, она дядю Петю без припасов оставила. Дело было так. В то время из-за напавшей на страну перестройки в магазинах случались перебои с продуктами. Например, вдруг пропала из продажи соль и мыло. Некоторые стали закупаться впрок, создавая ненужный ажиотаж. А вот дядя Петя и в ус не дул! Припасы не делал, в очередях не стоял, сидел на лавочке и весенним солнцем наслаждался. Он много лет делил кров со старенькой мамой, пережившей военные тяготы, а потому давно сделавшей внушительные запасы и соли, и мыла. И много чего ещё. «Мало ли что», – рассуждала эта немолодая и очень достойная женщина...

Так вот, после смерти мамы дядя Петя раздавал всем на память кусочки ароматного туалетного мыла. Что было – то и раздавал. А соляных запасов у него после мамы вообще много оставалось. Пока магазины разбирались со сложившимся немудрёным дефицитом, дядя Петя делился с каждым соседом, кто попросит. И бойкая Леонелла тоже, видимо, обратилась с просьбой. И он, добрая душа, пустил козу в свой огород...

Вечером, сварив картошки, дядя Петя обнаружил, что солонка пуста. Полез в свой пятикилограммовый жбанчик. Тоже пуст! Но хозяин не растерялся – картошку съел с солёным огурцом. А вечером попросил ребят со двора купить ему при случае унесённые Леонеллой «дефициты» (ушлая соседка и всё мыло из дома прихватила – вот какая была хозяйственная!).

«А что? Сам разрешил взять сколько нужно. А мне нужно много! Всё законно. А лоха, как го-

ворится, грех не обуть» – так Леонелла объяснила соседям своё «пиратство».

Вечером дядя Петя, как всегда бодрый и весёлый, сидел на лавочке с гитарой. А мы около него со своими гитарами. Тротуар был помыт. Мы ждали мастер-класса. Леонелла не выходила, может, капелька совести терзала, а может, от жадности в зобу дыханье спёрло... Телефон прервал нашу музыкальную репетицию. Звонил товарищ дяди Пети, мол, на машине, еду мимо, прихватить ли чего в связи с надвигающимся возможным дефицитом? Петя, подмигнув нам, весело так попросил соли и мыла. Мы дружно замахали руками, стали советовать, чтобы тот заказал икры, вина и сыра: мы знали, что товарищ Пети трудолюбив (даром что высокий пост занимает!) и щедр. Его редкая по тем временам иномарка по праздникам частенько притормаживала у нашего подъезда с гостинцами. Но дядя Петя и слушать нас не стал: «Соли и мыла. Больше ничего не надо».

Он ещё не знал, что мы, рассказав родителям историю про экспроприацию соляных запасов, собрали с ними вместе «перестроечный» набор, где было много соли, мыла и всего другого разного, и собирались сегодня вечером вручить. Хотели сделать сюрприз своему учителю.

Через часик подъехала серебристая машина, из неё сначала показалась огромная коробка, которую мы в восемь рук приняли и с трудом поставили на тротуар, а потом и сам двухметровый силач с сумкой на плече.

– Там разная соль – и морская, и с зеленью. И для засолки, и так просто, ну и мыла запасец, – широко улыбнулся Петин друг. – А это, – он небрежно указал на огромную сумку, висевшую у него на плече, – всякие вкусности для будущего праздника, когда всем миром соберёмся. Твои ученики, молодцы, подсказали. Я услышал их сердечный совет. У меня знаешь какая мощная интуиция?

На растерянные возражения Горбуна его друг только отмахнулся:

– Твоё любимое присловье какое?

– Да не оскудеет рука дающего...

Мы все притихли. Что-то происходило на наших глазах чудесное. Какой-то круговорот добра в природе. Мы подняли глаза и увидели в окнах родителей, с улыбкой наблюдавших за происходящим.

Леонелла тоже тарацилась из-за занавески на встречу друзей. И нам показалось, что она всхлипывала. Но никому не было до неё дела.

Друзья, заноса продукты в подъезд, не сговариваясь, всё-таки посмотрели на её окно.

И Пётр раздумчиво протянул:

– А глаза-то, оказывается, у Леонеллы зелёные-зелёные. Я, только когда она заплакала, это увидел.

**Молитва из келейной книжицы  
архимандрита Иоанна Крестьянкина**

Господи Боже мой!

Удостой меня быть орудием мира Твоего!

Чтобы я вносил любовь там, где ненависть.

Чтобы я прощал, где обижают.

Чтобы я соединял, где есть ссора.

Чтобы я говорил правду, где господствует  
зablуждение.

Чтобы я воздвигал веру, где давит сомнение.

Чтобы я возбуждал надежду, где мучает  
отчаяние.

Чтобы я вносил свет во тьму.

Чтобы я возбуждал радость, где горе живёт.

Господи Боже мой!

Удостой!

Чтобы не меня утешали, но я утешал.

Чтобы не меня понимали, но я других понимал.

Чтобы не меня любили, но я других любил.

Ибо кто даёт – тот получает.

Кто себя забывает – тот обретает.

Кто прощает – тому простится.

Кто умирает – тот просыпается к жизни вечной.

Аминь.

